

Не могу поверить! Она все-таки меня убила.

Я никогда не считала ее бесхарактерной. Видит бог, она способна на сильные поступки. Но — убийство?!

Глупо. Ужасно глупо! Расследование, шумиха, полиция... Любопытно, как она будет выкручиваться?

Запаникует? Начнет визжать? Поранит себя, надеясь симитировать драку?

Однако женщина, прикончившая меня минуту назад, выглядит на удивление спокойной. Первое, что она делает — тщательно вытирает нож уголком покрывала. Владельцы отеля будут недовольны! Кровать и так забрызгана кровью — моей кровью! — и ковер тоже весь в импрессионистических пятнах. Я пыталась вскочить, когда она вошла, но не успела. Мне хватило двух ударов, однако эксперты обнаружат, что их было значительно больше.

Что ж, я ее понимаю. В ней столько ненависти, что даже сейчас, после смерти, я испытываю страх, когда смотрю на ее лицо. На невероятно изменившееся за эти годы лицо...

Но как же странно выглядит мое мертвое тело! Светлые волосы, разбросанные по подушке. Мучительная гримаса. Застывший взгляд и странно напряженный рот, словно я пытаюсь что-то выкрикнуть напоследок — и не могу.

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Ах, как нелепо все оборвалось! Ведь совсем немного оставалось до полного триумфа!

Когда-то мне дали совет: «Не стоит недооценивать своих врагов». Сейчас я бы сказала иначе: «Не стоит недооценивать своих жертв».

Женщина, безжалостно расправившаяся со мной, кладет нож рядом с телом. Не знаю, зачем она вытирала его, если руки ее в тонких резиновых перчатках. Оглядывается комнату. У нее глаза как кончики сосулек, ледяные и острые. Я смотрю в них и снова думаю, что совершила ошибку. Не в том, что попыталась растоптать ее судьбу — это она заслужила! Даже сейчас, почти двадцать лет спустя, я готова снова и снова твердить: она это заслужила.

Но я не обезопасила себя. Сглупила! Черт возьми, я, осторожная, умная, хитрая, предусмотрительная я — и вдруг проворонила убийцу!

Женщина медленно стаскивает перчатки. Комкает и сует в карман. У нее отрешенное и даже немного блаженное выражение лица, как у голодного, наевшегося досьята. Взгляд теплеет: она смотрит на мое изуродованное тело. И вдруг, дернув углом рта, со всей силы бьет его кулаком в живот. И снова! И снова!

— Хватит! — кричу я. — Прекрати!

Она не слышит. Хлесткий удар ладонью — и моя голова дергается вбок. Еще один — перекачивается по подушке обратно.

Потом женщина замирает, и целую секунду мне кажется, что она вот-вот плюнет на мой труп. Но здравый смысл удерживает ее от опрометчивого поступка.

Если бы я могла скрипеть зубами, то заскрипела бы. Потому что она уходит — уходит, не оставив после себя ни одной улики, сначала убив меня, а потом надругавшись над телом. Почему-то в бешенство меня приводит именно второе. Как она посмела? У нее были причины для того, чтобы уничтожить меня, — да, не отрицаю! Но бить труп?

НЕЖНЫЕ ЛИСТЬЯ, ЯДОВИТЫЕ КОРНИ

Господи, да она влепила мне пощечину! При жизни у нее на это не хватало отваги. Вот же трусливая мстительная дрянь!

Клокочущая во мне ярость — словно груз, не дающий подняться к небесам. Я останусь и посмотрю, что будет дальше.

Есть у меня одна надежда... Она слабо теплится в душе, оставшейся без тела. И, кажется, помимо ярости, это единственное, что удерживает меня здесь.

Может быть, одной из наших удастся закончить то, что я начала? Я так близко подвела их к разгадке, я разбросала столько намеков — должна же найтись умница, которая догадается, в чем дело!

Главное, чтобы ее не убили, как меня.

ГЛАВА 1

За месяц до описываемых событий

1

Маша повертела в руках конверт. Настоящее письмо, надо же. Тысячу лет не получала бумажных писем, не считая новогодних открыток от родителей — обычно они доходят как раз к концу зимы.

Открывать его почему-то не хотелось.

— Ты не будешь читать? — удивился Сергей.

Маша вскинула на мужа задумчивый взгляд.

— Что там, компромат? — пошутил он.

Она принужденно улыбнулась. От Светки Rogozinoy, пожалуй, можно было ожидать и компромата...

— Я очень давно ничего не слышала об отправителе, — уклончиво сказала она. — Собственно, ни о ком из наших.

— Однокурсники?

— Одноклассники.

Маша положила нераспечатанный конверт на подоконник и уставилась в окно. Пейзаж за стеклом как будто рисовал неумелый художник, осваивавший графику. Четкие штрихи кустов у него еще более-менее получились, как и жирные палки молоденьких осин. Но попы-

НЕЖНЫЕ ЛИСТЬЯ, ЯДОВИТЫЕ КОРНИ

тавшись изобразить сугробы, художник напачкал, рассердился, схватился за ластик — и окончательно испортил произведение, размазав грязь по всему листу.

Черный слежавшийся снег прочно оккупировал двор. Вместо того чтобы таять, он только злобно темнел и становился еще плотнее, словно утверждая свое право лежать здесь до скончания времен.

Маша прикрыла форточку и отвернулась. Бр-р, какое противное начало марта. А тут еще это письмо!

— Кофе будешь? — спросил Сергей, доставая турку.

— Нет, не хочу.

— Письмо читать тоже не будешь?

— Буду.

Маша нехотя взяла конверт, внимательно рассмотрела и надорвала.

Муж возился у плиты, делая вид, что ему совершенно не интересно. Она дважды перечитала короткий текст, написанный прекрасным почерком. Сам факт, что за Рогозину кто-то написал это письмо от руки, поразил ее едва ли не больше содержания. Светка так вывести не смогла бы никогда, даже если сто китайских профессоров обучали ее каллиграфии все эти годы.

Бабкин наконец не выдержал.

— Получила наследство? Ну, скажи, что я женился на богатой женщине!

Маша рассеянно улыбнулась. Наследство? В какой-то степени так оно и есть. Она унаследовала со школьных времен и протащила через всю свою жизнь те чувства, которые предпочла бы оставить в прошлом.

— Это приглашение. От Светы Рогозиной, моей бывшей одноклассницы. Она последние годы жила то ли во Франции, то ли в Италии — не помню. А теперь возвращается в Россию. Зовет бывших одноклассниц отметить встречу.

Она развернула письмо и медленно прочла:

— «Буду очень рада видеть тебя в подмосковном отеле «Тихая заводь», где я забронировала для всех номе-

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

ра на три дня, с первого по третье апреля. Пожалуйста, приезжай! С надеждой на встречу, Светлана Рогозина (Крезье)».

— Она будет очень рада, — повторила Маша.

Все-таки голос у нее, очевидно, звучал странно, как она ни старалась придать ему непринужденности. Поэтому что Сергей отставил джеззу в сторону и подсел к жене, внимательно глядя на нее.

— Ты кофе собирался варить, — напомнила Маша.

— Подождет. В чем дело?

— Ты о чем?

Она нашла в себе силы улыбнуться и пожать плечами. Подумаешь, бывшая одноклассница удачно вышла замуж и, кроме фамилии Крезье, приобрела состояние, позволяющее оплатить трехдневное проживание в отеле всему классу. Впрочем, нет: не всему. В письме ясно сказано: «Хочу собрать небольшой девичник». Значит, приглашены только дамы.

— Тебя напрягло это письмо, — спокойно сказал Сергей. — Я хочу понять почему.

— У тебя профдеформация, — попыталась отшутиться Маша. — Переносишь навыки частного сыщика в семейную жизнь?

Он не улыбнулся, не ответил на подначивание. Просто внимательно и долго смотрел на нее, так что ей снова стало не по себе.

— Сработал эффект неожиданности. — Маша сложила плотную бумагу самолетиком и сделала вид, что хочет запустить его по кухне.

Бабкин даже не взглянул на самолетик.

— Мы с ней не были близкими подругами, — пожалала она плечами. — Честно говоря, у меня вообще не было подруг в том возрасте. Много чего не было. Мини-юбки, например, а мне ужасно хотелось такую, знаешь, джинсовую и в заклепках... («Господи, что я несу!») Как полагаешь, пошла бы мне мини-юбка?

НЕЖНЫЕ ЛИСТЬЯ, ЯДОВИТЫЕ КОРНИ

— Ладно, — согласился муж, будто не слышавший ее последней фразы, — если это секрет, пусть остается секретом.

Маша неловко дернула рукой, и самолетик вырвался из пальцев.

Молниеносным движением Бабкин перехватил его. Прижал громадной ладонью к столу, разгладил и поднялся:

— Кофе будешь?

Если б перед ней был другой человек, Маша решила бы, что он забыл об ее отказе или не придавал ему значения. Но мужа она знала слишком хорошо. Сергей просто вычеркнул последние две минуты, когда она пыталась балансировать на грани полуправды и вранья. Он отлично все понял. «Ты не хочешь ничего объяснять. Поэтому мы сделаем вид, что все в порядке, забыв про это приглашение. Немножко отмотаем время назад и станем пить кофе как ни в чем не бывало», — вот что стояло за его словами.

«Кого я пытаюсь обмануть?»

— Светка Рогозина — королева нашего класса «А», — сказала Маша совсем другим тоном. — Я не видела ее... дай-ка подумать... Если мне сейчас тридцать пять, значит, без малого двадцать лет. Мы учились вместе с восьмого класса. Наша семья тогда переехала, и в сентябре я пошла в новую школу. Мне там было не слишком весело.

Она замолчала, вертя в руках пустую чашку.

Иногда говорить о прошлом — то же самое, что пытаться пересказать сон. Слова вдруг становятся пусты и бесполезны, как дырявая чашка, в которую нельзя налить ни грамма смысла.

— Тебя травили? — прямо спросил Сергей.

Маша едва не засмеялась.

— Ну что ты. Я прожила эти четыре года довольно тихо. И вообще старалась держаться... Ну, в стороне.

— В стороне от чего?

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

— Трудно сказать. Ничего особенного не происходило. В пересказе это звучит ерундой, честное слово! Подумаешь, королева класса наградила прозвищами всех одноклассников. Пустяки же. Или высмеивала кого-нибудь бедолагу, когда того вызывали к доске... Ничего выходящего за рамки обычных школьных склок.

— Точно? — муж нахмурился.

Маша кивнула. Надеюсь, хотя бы кивок выйдет убедительным, подумала она. Ту старую историю ворошить не станем, ведь в ней, если подумать, действительно не было ничего ужасающего.

— Правда, был один странный эпизод... — вспомнила она, торопясь перевести разговор. — Не со мной, с другой девочкой. В одиннадцатом классе. Но я провалялась с ангиной, так что все пропустила. А когда вернулась в школу, у меня не было никакого желания все это ворошить.

...Их большой, чистый, светлый класс с бородатыми лицами Толстого, Достоевского и Тургенева на стенах... Запах мела. На подоконнике алеет декабрист. Белка, Белла Шверник, выбегает навстречу с вытаращенными глазами:

— Елина! Мы думали, ты умерла!

Кто-то из мальчиков улюлюкает, а добрый толстяк Ванеев улыбается ей украдкой. Краем глаза Маша замечает Юльку Зинчук, с очень короткой стрижкой, выкрашенной в какой-то нелепый грязно-желтый цвет. Губанова, жующая неизменный бутерброд, мычит что-то приветственное. И тут Рогозина, встряхнув золотыми кудрями, спрыгивает с подоконника и идет навстречу Маше — прелестная, как Бэки Тэтчер, с этими прозрачными зелеными глазами, в белоснежной кружевной блузке с жабо, такой восхитительно несовременной, что сразу становится ясно: последний писк моды.

Держи лицо, приказывает себе Маша, держи лицо — а внутри все ухает куда-то вниз и падает, падает, падает...

НЕЖНЫЕ ЛИСТЯ, ЯДОВИТЫЕ КОРНИ

— Дети, Куклачев вернулся! — голос у Светки пока расслабленный и ленивый.

— Ты привел с собой котиков, дядя клоун?

Докопается, понимает Маша, все-таки она докопается до меня. Маша молчит, и молчание, как волна, разбегается от нее. Сначала перестают болтать Кувалда с Савушкиной. Стихает Белка Шверник. На задней парте, где Лушко с Гриневичем рисуют голых баб, обрывается коллективное ржание и наступает выжидательная тишина.

— Ты что, пришел без котиков? — Светкин голос по-прежнему издевательски нежен. — На фига ты вообще тогда приперся?

Тишина.

— Почему я никогда не смеюсь на твоих выступлениях, а?

— Потому что у тебя нет чувства юмора? — не выдерживает Маша.

Общий, почти неслышный вздох проносится по классу. Елиной полагалось смиренно получить свою порцию издевок и безропотно поникнуть.

Светка окидывает Машу таким взглядом, будто снимает мерку для гроба. Из голоса начисто пропадает леница. Теперь им можно вскрывать консервные банки.

— Дядя Куклачев, ты идиот?

Врежу, понимает Маша, я ей сейчас врежу. Господи, как обидно — дотянуть до одиннадцатого класса и сорваться на финишной прямой. Она ведь только этого и ждет!

В голове сильными толчками пульсирует кровь. «Бей! — приказывает внутренний голос. — Ударь ее — и на этом все закончится!»

Маша шагает вперед, сжав кулаки, как вдруг толстяк Ванеев громко и очень убедительно мяукает с третьей парты.

Все вздрагивают от неожиданности.

— Хочешь, я буду твоим котиком, Манечка? — ухмыляется он.